

Андрей
Виноградов

КОФЕ

~ на ~

ТРОИХ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В49

Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление переплета — *Екатерина Фerez*

Разработка макета — *Ирина Гришина*

Виноградов, А.Г.

В49 Кофе на троих : [повести] / Виноградов Андрей Георгиевич. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Книга для счастья).

ISBN 978-5-17-982422-0

Андрей Виноградов — мастер тонких психологических наблюдений, вплетенных в канву нашей беспокойной жизни. Его имя никогда особо не светилось в прессе, но многое говорит профессионалам. Известный журналист, создатель Фонда эффективной политики, политехнолог, переводчик, он был председателем правления РИА «Новости», директором издательства журнала «Огонек», участвовал в становлении «Видео Интернешнл».

В книгу вошли две повести «Кофе на троих» и «Старый пес». Это истории о силе и слабостях живущих рядом с нами — любви, боли и самопожертвовании. Формула таинственного земного счастья парадоксальна — оно есть, но его нет. Мужчина и женщина — два инопланетных существа, пребывающие в собственных измерениях и неудержимо притягивающиеся друг к другу. Страсть, любовная мука и холод отчуждения — так было во все времена, так происходит и сейчас...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982422-0

© А.Г. Виноградов, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ΚΟΦΕ
ΝΑ ΤΡΟΙΧ

ГЛАВА 1

С Испанией Зое всё было более или менее ясно, подготовилась: Франко, король, Дон Кихот, где-то там ранили Юматова в «Офицерах», кризис, фламенко, коррида, паэлья, неблагозвучная для русского уха ветчина «хамон»... «Только, дорогой мой свояк, не испанка твоя вероятная невестка, а совсем даже мексиканка. Старый ты, невнимательный... и вообще болван и болтун! Напрягись, Зочка, включи ум. Текила, ацтеки, художник — большой друг СССР... Сикейрос? Пусть будет. Пиво из кактусов...»

Зоя, словно чеки, нанизывала случайные ассоциации на штырь, выдержанный в цветах мексиканского флага. Ни дать ни взять — продавщица годов эдак шестидесятых, из сельмага, заправская, таких начальство шумно уважает, а покупатели тихо побаиваются. «Или кладовщица — требования? Или... Стоп. Это вообще важно? Продавщица, кладовщица, одна обсчитывает, обе обвешивают...» Ей казалось, что цвета флага она помнит, совсем недавно в русском издании «National Geographic» на картинку наткнулась, а на зрительную память Зоя не жаловалась. «Зеленый, белый, красный и что-то по центру... Птица? Птица. И совершенно точно с одной головой. Нормальная. Нет, так не очень лояльно по отношению к родине... Обычная. Лучше? Путин не обидится? Вот же... Ну

не о чем больше думать! И далась мне вся эта страноведческая ерундистика? Можно подумать, будем с ней Сикейроса обсуждать. На каком, спрашивается, языке?» Вспомнилось, что существуют книжонки незатейливые — разговорники: «Пожалуйста, не сердитесь», или «Извините, что я сию (стою) к Вам спиной», и еще — «Отведите меня, пожалуйста, обратно в гостиницу»... Пару раз Зоя непонятно зачем листала такие в книжном. Возможно, хотела понять, о чем русские говорят с иностранцами там, где они — иностранцы — дома, и прикинула, что отечественный турист в чужеземии туповато миролюбив, приторно вежлив и довольно-таки обременителен. Впрочем, опыт подсказывал, что ближе всего к правде тяготеет последнее, насчет обременительности, не могут же люди меняться так резко, значительно, на короткий срок и за свои кровные, то есть без повода? «К чертям разговорники, да и не потащусь я в "Дом книги", поздно уже и дождь, дождь давно».

Зоя исподволь изучала свою визави. Ненавязчиво, без пресловутой бабской дотошности, от которой у объекта внимания нет-нет и затлеют одежды. Так, к слову сказать, и не умела, но хорошо знала, как это делается. Просто надо было хоть чем-то себя занять, вот и присматривалась. «Ничего девочка, вполне миленька, ухоженная. Фигурка хорошая, не эталон, конечно, мелковата для эталона и ножки подлиннее сгодились бы в самый раз... Но если не цепляться, то есть без фанатизма — вполне себе ничего: стройненькая и... можно сказать, что хорошенькая. На таких мужички что постарше западают обычно. Доченька... И расстройства меньше: в люди выйдут и не шипят в след завистники: смотри, комод свой на манекенщицу променял. Странно, что Олега на такой тип потянуло, хотя я и предыдущих его не видела, одну только, мельком, ни имени не вспомню, ни как выглядела, но рыжая, это помню. А с этой

девицей хлопотно выйти может. Те, что постарше, они и опытнее и побогаче и уж куда как надежнее. Доченька... Надо же, привязалось... Для спокойной жизни я бы чего попроще Олежике посоветовала, ну да кому они наши советы нужны... И что вообще такое эта спокойная жизнь, а как понять — "попроще"? Шею покороче и прыщи вокруг рта? Бред. Правильно, что нас не слушают... Колец, слава богу, ни в ноздре, ни в губе. Смешливая опять же, губки трогательно надувает и складывает трубочкой. Как рыбка за аквариумным стеклом. Все думают, это рыбка разговаривает так, а ей кушать хочется. Нервничает. Будто я сама по себе прилетела... оценки ей экзаменационные выставят. Вон как елозит ладошкой по коленке, словно до мениска в футбол доигралась. Неужели и впрямь верит, что скажу Олегу: "Нет, друг мой, не твое это..." — и посыплются их отношения как гречка на пол — по щелям, да под плинтус, не собрать. Интересно, это в Мексике у них такие дремучие нравы? Надо будет у Олега спросить. А он, балда, тут же ей все и выложит... Язык без костей... Тебя так мексиканское воспитание занимает? Ну вот и не лезь. С другой стороны, а что в этом такого? Орешек знаний тверд, но мы его всё колем, колем..."

— Олежа, а как Коля поживает, ну помнишь, вы мотоциклами еще увлекались, целеустремленный такой...

— Тёть Зой, да он уже года три в Израиле, целеустремленный... У него бизнес свой, что-то связанное с медоборудованием, болтаем иногда по скайпу, редко. Теперь еще реже, потому что, выходит, не о чем особенно разговаривать, разве повспоминать, опять же не старые еще, успеется, повспоминаем. Целеустремленный... Забавно, что ты это сказала. Скорее уж прагматичный...

Олег и себя считал прожженным прагматиком и настойчиво рекламировал прагматизм, прежде всего собственный, как главную добродетель путаной

современности. Те, кто не близко знаком с ним, легко покупались на его обаяние и разглагольствования. Немногочисленные прочие, числом два — отец и тетка — соглашались привычно, не заморачиваясь с досужими спорами, непрямой остаток которых — обиды. Каждый думал при этом свое. Отец, когда все-таки распалялся, ругал Олега «понтярщиком», а в их недолгой взрослой совместной жизни призыв к сыну «Хватит уже выпендриваться!» мог претендовать на место команды «Смирно!» в армейской казарме. По частоте упоминаний, естественно.

— Хорошо, что не совсем растерялись, прагматики...

— Олли?

— Ну, в общем, да... Извини, тетё Зой, я переведу.

— Да без проблем.

«Про себя подумал, наверное: вот же стерва, уела прагматиком... Может, и в самом деле я стерва? Не льсти себе, слишком нежное слово. И что теперь? Еще кофе? Мне без сахара...»

— Олли? Предложи Зо еще кофе.

— Тетё Зой, черненького, горяченького?

— Смерти моей хочешь?

— Да какой мне от этого прок?

— Ласковый.

— Семейное.

— Олли? Зо?

Время от времени, не позволяя паузам растягиваться до появления обоюдной неловкости, заполнения пустоты подливанием кофе, нешумной суетой ложек, размешивавших то, чего не было, не могло быть в чашках — обе пили без сахара, Зоя и Эва перебрасывались парой-тройкой фраз о погоде, Париже, погоде в Париже, погоде в Москве. В конце концов, Олег, прокашлявшись, заметил со смешком, что чувствует себя толмачом и хохмачом в элитном английском клубе.

— Таких туда вряд ли пускают.

— Тоже правда.

Олег, конечно же, очень старался, ему и доставалось больше всех. Он наравне с женщинами не давал разговору затухнуть, к тому же с готовностью переводил, что-то рассказывал про привычки местных, хохмил и переводил Эву, Зою, себя. Не надо было обладать даром провидицы Ванги, чтобы понять, а если попасть под дыхание, то и обонять, насколько непросто дается ему эта роль, вообще жизнь в это утро. Зоя знала племянника «как облупленного», в смысле, пребывала в уверенности, что знает именно так, вирусное заблуждение старшей родни, испокон веков царящая на Земле эпидемия... С другой стороны, все же тридцать лет был у нее на глазах, если не мелочиться... Ну чаще на слуху... А что, мнение отца с матерью — это пустяк какой? Короче, в таком печальном виде тетушка наблюдала племянника впервые: непроспавшийся, нечесаный, неуверенно шарящий по столу глазами в охоте на пепельницу, будто пепельнице дела другого нет, как только метаться подраненной ланью по скатерти, сохранившей, как обереги от повтора вчерашнего безобразия и в назидание трепещущим на легком сквозняке занавескам, три дюжины пятен. «И не мальчик уже, морщинки вон вокруг рта. И на лбу. Ой, прядка вроде седая... Да нет, солнце, слава богу, проказничает, рано ему еще. Как часто он... так?»

— Печенку, Олежа, беречь надо. По телевизору говорят, что она каждый день совершает невидимый подвиг.

— Штирлиц... То-то я чувствую предательство в организме.

— Штирлиц, друг мой, за нас был.

— А мне надо, чтобы за меня.

— Зо?

— Мне рассказать про твой врожденный гепатит?

— А вот это к Павлику Морозову ближе...

— Зато от цирроза дальше.

— Ну всё, блин, за вас: Штирлиц, Морозов... А за меня кто-нибудь есть?

— Тепло.

— Это фамилия?

— Это диагноз.

— Звучит лучше, чем цирроз.

— Олли?

— Зо говорит, кухня у тебя получилась ну просто обалденной.

— Зо... Мне так приятно, спасибо тебе. Я очень ценю твои добрые слова, мне правда очень приятно.

— Говори с ней нормально, она же не инопланетянка, всего лишь моя тетья, чего напрягаться? Скажи еще: звук вашего голоса ласкает мне звук. И книксен. Вот же... Что ты как каменная?

— Ты еще больше меня нервируешь, а я, между прочим, стараюсь.

— Лучше прекрати стараться и расслабься.

— Тетья Зой, это мы о своем. Извини. Просто девушка иногда тупит. Не больше, чем все девушки... Ну ты про это все знаешь... Шучу-шучу!

— Ну-ну...

— А насчет меня ты не переживай. Сейчас еще одну сигаретку, кофе, душ, еще кофе и буду как новенький. И потопаем в Александровский сад, завтракаем в Эвином любимом месте, как договаривались, лады?

— Лады. То есть твой план удался и собака, как и следовало ожидать, первым рванула к хозяйке?

— Ты о чем? А-а... Ну да, позавчера. Черт, ты права, печень бы и хрен с ней, а вот с башкой точно неладно...

— Зо? Олли?

— Мы все тут, дорогая.

Они немного поболтали о том, как у французов устроен быт — вроде бы всё просто, ничего неожиданного, но есть какая-то во всем этом изюминка.

— Вот дома у нас, тётъ Зой, кому-нибудь дарят картину там или фотографию... Катастрофа. Но хуже всего если от близких родственников или друзей, что часто бывают в доме. И начинается: куда повесить... Тут — бьется с чем-то, тут — не то качество, тут вовсе не место. Причем хозяева с самого начала знают, где место, но там все за долгую жизнь под завязку забито похожими сюрпризами, это при том, что две трети раздарить удалось и не попасться при этом. А француз тотчас же найдет на стене свободное место и повесит подарок. Вроде бы и не по уму, а через день — другой, сдается, что стену ставили уже с этим рисунком или фоткой... По-моему, так правильно.

— И у нас, Олег, во многих семьях до сих так, если люди не кичатся дороговизной или ее значимостью вещи, если им отношение важнее... Да чего я тебе рассказываю, будто ты в других домах рос.

— Может быть, потому я и здесь...

— Тебе лучше знать, а дома у вас очень уютно, в самом деле. Теплый дом. Это я об атмосфере, о душе.

— Олли?

— Дословно, Олежа, прошу тебя. И это чистая правда.

Зоя нисколечко не кривила душой, квартира понравилась исключительно, тем более что обстановкой отдаленно напоминала ее московскую, вообще старые московские квартиры до печальной эпохи евроремонтов. «Наверняка племянник отметился, у девушки, судя по тому как одевается, вкус иной... Какой? Иной. Какой иной? Да такой иной... Ох, Зойка, смотри у меня!»

— Зо, это Олли постарался. Я по-другому думала сделать, но решила не вмешиваться. И правильно. Теперь и мне нравится.

— Воды не замутит. В сторонке она осталась... Тётъ Зой, да мы тут, пока обустроивались, раз десять сходились-расходились...

— Ну, дружок, без этого никак. Главное, что не поубивали друг друга.

— Эва говорит, из меня получился хороший дизайнер.

— А чем нынче хороший дизайнер зарабатывает на жизнь?

— Осматриваюсь пока...

— То есть девочка не из бедной семьи?

— Тётъ Зой...

— Значит, угадала... Да и не угадывала, разбираюсь в одежде, хорошие тряпки чую как Джек Воробей наживу.

— Капитан Джек Воробей.

— Ну и чутье женское. Это как водится. Всегда при нас. За квартиру, я так полагаю...

— Олли? Зо?

— Зо спрашивала, можно ли посмотреть твои работы... Фотографии...

— Конечно, сейчас компьютер включу, загружусь и позову... Я и не знала, что она в курсе. Зо?

— Да, дорогая?

— Три минуты.

— Не торопись, всё хорошо, спасибо. Ну а ты — красавец... Уж слово «фото» я поняла, не сомневайся. Выкрутился... А что это ты, друг мой, заволновался? Мне, как ты понимаешь, до ее достатка дел никаких нет, но ведь у тебя самого и профессия есть, и опыт... И желаний с амбициями — на две жизни хватит.

— Одну бы прожить.

— Вот и не понимаю, с чего это вдруг ты на диванчике угнездился в позе... лодыря.

— Да не хочет она, чтобы я... В общем, придумываем что-нибудь, что вместе делать можно и реже расставаться. Есть идея с фотографиями и Интернетом, расскажу при случае, если интересно, хотя пока еще сыровато все...

— Ой, смотри, племяш, навыки быстро пропадают, это только про велосипед говорят: один раз научишь-

ся и уже на всю жизнь. Я, кстати, после десяти лет перерыва прокатилась на даче. Хорошо, что куст по дороге встретился, а не стена. Торможу как раньше, а педали прокручиваются, а он, зараза, едет и едет...

— Теперь у всех тормоза на руле, это горный, на-верное...

— Хозяйка его — коза горная, могла бы предупредить.

— Тётъ Зой, ты отцу не говори, ладно? Ты же знаешь, он сразу начнет: какого черта мы горбатились на тебя, учили по дорогим заграницам...

— А это, я так понимаю, неправда...

— Тётъ Зой, ну ты же все понимаешь, мы ведь с тобой одной крови... не начинай, а?

— Одной крови... Польстил тетке, Маугли, и ждешь, что растаю. Ну хорошо. А что говорить?

— Скажи, есть любопытные предложения, выбирает... Тётъ Зой, всё ведь на самом деле так и есть, ну как-то так... Ты, главное, не волнуйся. Прорвемся.

— Ой ли...

— Зо?

— Иду, лапочка.

— Лапочка?

— А что? Не знаешь, как перевести?

— Зо! Олли! Ну где вы?

— Идем, lassie...

— Лисье какое-то слово, правильно угадала.

— Ты о чем, тётъ Зой?

— Не знаю пока, не слушай...

Вчерашняя вечеринка, эхо которой отзывалось в голове Олега Турецким маршем, сыгранным на ударных — ничего струнного, духового, только барабаны, тарелки и бубен, мать его, отдельно... — вроде бы намечалась как приуроченная к приезду московской гостьи. По крайней мере, в этом Зою уверяли Олег и Эва. Они не желали слышать о ее усталости после плотного экскурсионного графи-

ка вчерашнего дня с вечерним выходом в ресторан, оказавшийся чуть ли не другой планете. Жалобное нытье об акклиматизации: «Ребята, второй и третий день... хуже нет, уж поверьте», также не произвело впечатления. Факты о часовых поясах оказались в соседстве с нытьем. Короче, не сработала ни одна отмазка из арсенала приезжего, вознамерившегося любой ценой «обогнуть» тусовку и пожить по собственному плану. Зое вообще не верилось, что вечеринка устроена в ее честь, хотя она и поддалась на уговоры, осталась. Мило удивленные ее присутствию гости лишь укрепили ее сомнения. Кто-то один все же сориентировал, а может быть, хозяйева подсуетились с подсказкой, и преподнес Зое изящный букетик, явно нацеленный на вазу в Эвиной спальне.

Впрочем, никакой проблемы сама Зоя из предсказуемого открытия из этого не скроила, не надулась, Олегу не выговорила. На самом деле, что такого особенного? Ну совпало. Менять-отменять мероприятие? Наверное, поздно было. Вот и «залегендировали» мероприятие. Очень даже не глупо. Неприлично же, если в кои-то веки раз прилетела родная тетка, а тут, оказывается, не до нее, у молодежи, видите ли, пятничная попойка... «Вот же мистификаторы! Ну да ладно, мы с пониманием». И Зоя подхватила игру. Хотя нет-нет да и думалось ей: «Куда как проще прямо было сказать. Я бы сказала. Торчу тут гвоздем в заборе». Она какое-то время понаблюдала за артистичным молодым человеком, который рассказывал восторженной публике нечто романтическое, если судить по плавным, почти балетным пассам его руки. Иного уровня проникновения в суть мизансцены Зое никто не предложил, Олег отошел куда-то, так что за рукой и следила. Через какое-то время почувствовала, что еще немного и ее укачает.

Вечеринка как вечеринка.

Хозяйева, насколько позволяли приличия, требовавшие их внимания ко всем гостям, ухаживали за

Зоей. Что поделаться, если в компании из дюжины человек кроме ее племянника никто не знал русского, а у самой Зои в активе был куцый набор слов, из которых складывалось разве что впечатление об убогости лексических и фонетических навыков, прихотью Зоиной памяти сохраненных со школьной поры. Фига без большого пальца, а не английский. Друзья и подруги Олега и Эвы, раскованные и по большому счету не сильно нуждавшиеся в хозяйской опеке («Если бы мои гости всюду сами лазили, доставали что хочется, убила бы!»), тоже оказывали Зое знаки внимания, были милы, улыбчивы и предупредительны: «Сигарету? Вина?»

Зоя наметанным глазом прикинула, что если продолжать возлияния будут в заявленном темпе, не сбавят, то утрата товарного вида как минимум четвертьмя участниками практически неизбежна, в хлам упьются. Отец Зои, большой озорник по части выпить-закусить, о таких говорил: «Бездарно пьют, неумехи. Винно-глотательный рефлекс. А нужно — в удовольствие!» «И в самом деле похоже на рефлекс. Наши плохую водку так пьют, чтобы не дай бог не пришлось распробовать», — оценила. Все эти казалось бы призванные сблизить народы штрихи не меняли картину в целом, и обстановка оставалась для Зои чужой.

Как ни напрягала она фантазию, так и не смогла представить себе, что за дверью в спальню на самом деле гостиная с разоренным столом, остатками салатов, прочей снеди и обязательным слабаком, задремавшим лицом в тарелке. Зоя совершенно иначе представляла себе французов. «Русский, мексиканка, два турка, испанка, австралийка, немецкая пара, эта троица вообще неизвестно откуда... Ну да, ну да...» Она для приличия еще немного побродила среди гостей, поулыбалась в ответ на такие же вежливые «заказные» улыбки, потом пошептала на ухо племяннику извинения, принятые согласным кивком